В. ГАУФЪ

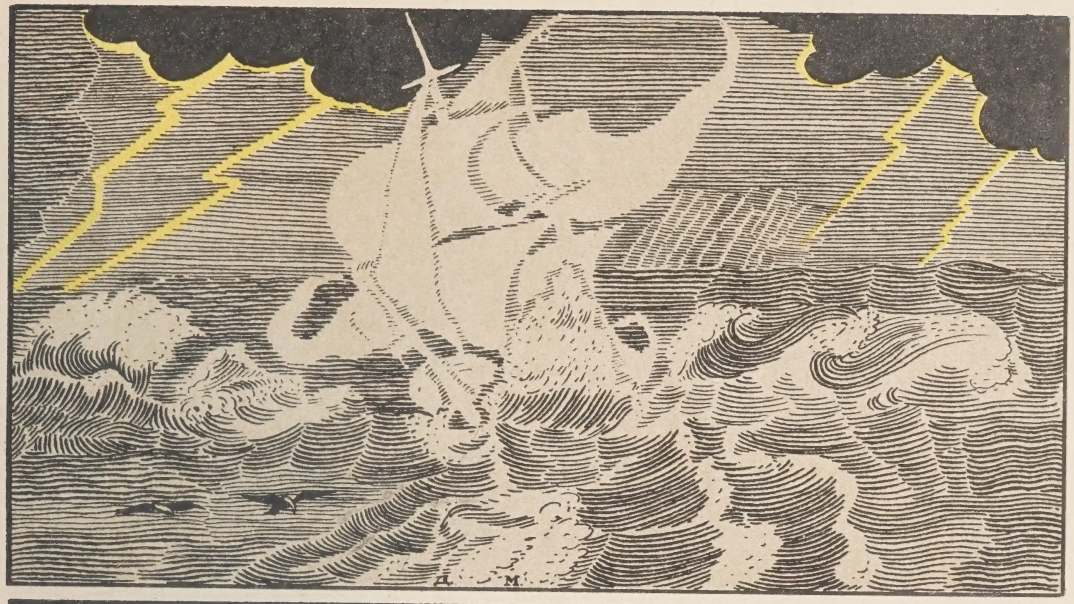
КОРАБЛЬ ПРИЗРАКЪ

СКАЗКА

РИСУНКИ
ДМИТРІЯ МИТРОХИНА

ИЗДАНІЕ
І. Н. КНЕБЕЛЬ
МОСКВА

Варварѣ Андреевнѣ
МОИСЕЕНКО
рисунки эти посвящаю.
Дмитрій Митрохинъ
Д.М.
1912.



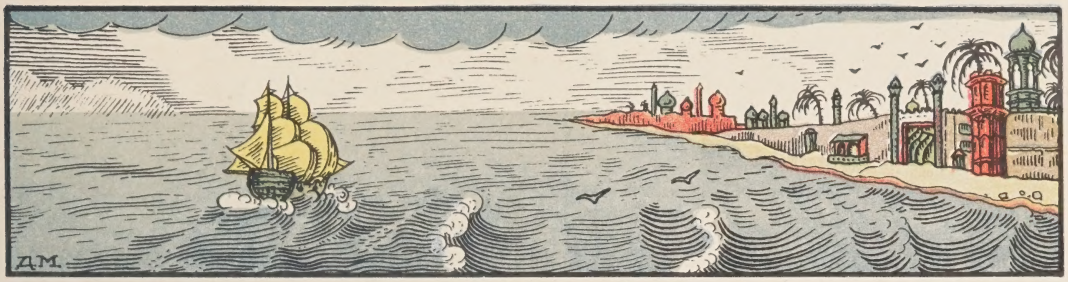
КОРАБЛЬ-ПРИЗРАКЪ

Я родомъ изъ Балсоры, гдѣ отецъ мой былъ мелкимъ торгашемъ. Когда я выросъ, онъ пріучилъ меня къ своему ремеслу, и я вскорѣ сталъ его помощникомъ. Послѣ смерти отца я продалъ все, что осталось, и пошелъ на чужбину искать счастья. Старый слуга отца моего не захотѣлъ меня покинуть и отправился за мною.

Мы сѣли на корабль въ Балсорской гавани и отплыли въ Индію.

Путь нашъ начался благополучно, но, послѣ двухнедѣльнаго тихаго, спокойнаго плаванія, капитанъ однажды сообщилъ намъ въ тревогѣ, что насъ ожидаетъ буря. Вдругъ мимо насъ проплылъ корабль, котораго мы до того не видали; дикая радость и веселье слышались на немъ. Я удивился. «Что это значитъ? Мы боимся бури, а тамъ радуются ей?»—спросилъ я капитана. Но капитанъ стоялъ возлѣ меня блѣдный, какъ полотно: «Погибло мое судно! Вотъ идетъ смерть!»— Не успѣлъ я его спросить, что онъ этимъ хотѣлъ сказать, какъ вся команда съ воемъ и крикомъ была уже на палубѣ. «Видѣли, видѣли?—кричали матросы,—погибли мы, погибли.»

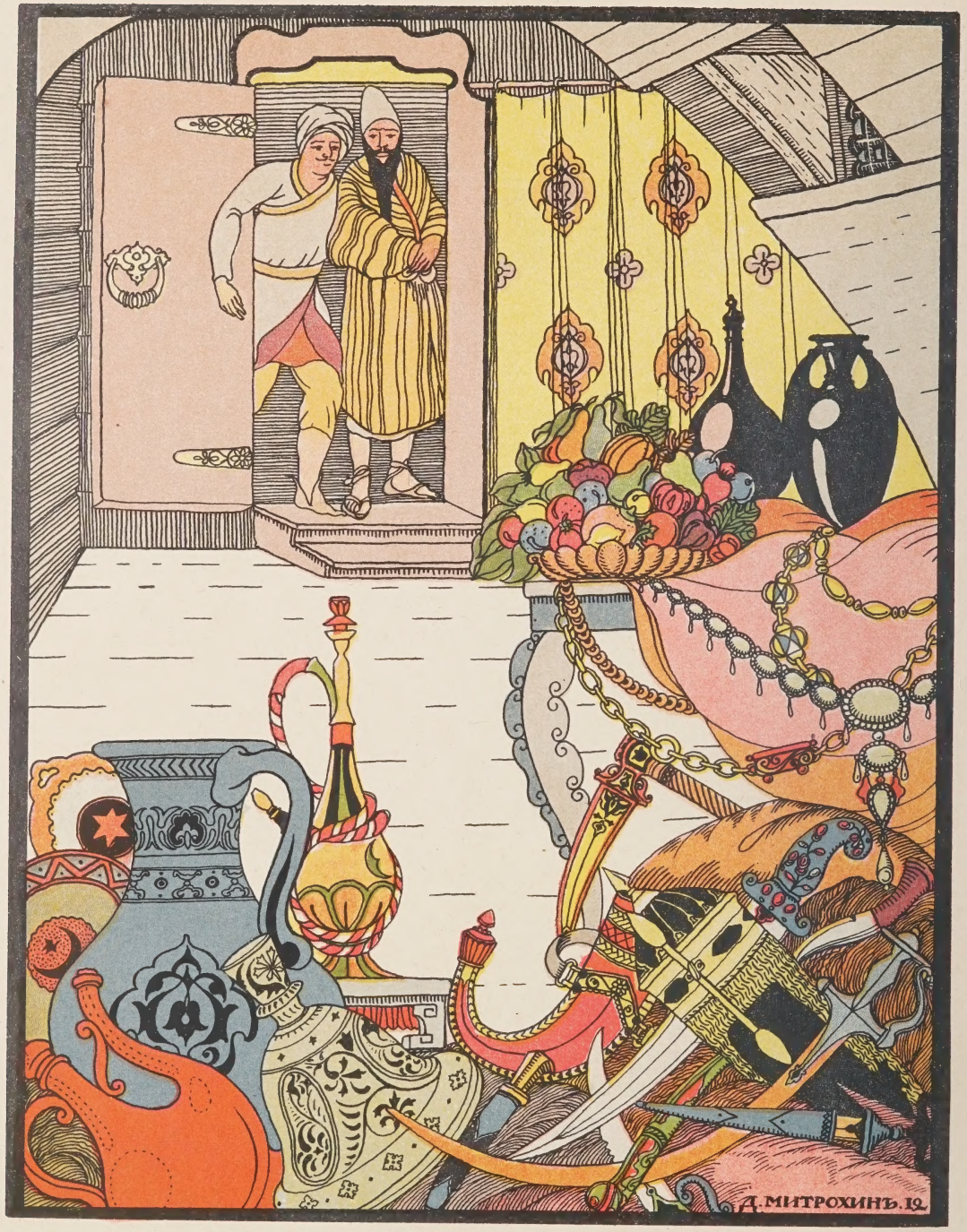
Д. МИТРОХИНЪ. 1912.

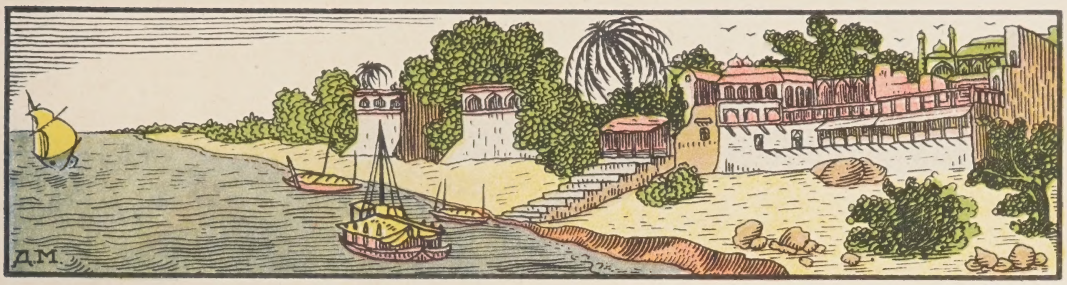


Капитанъ бодрился; по его приказанію, начали читать коранъ. Вѣтеръ становился все сильнѣе и сильнѣе; не прошло и часа, какъ судно затрещало; стали спускать лодки, и едва успѣлъ спастись послѣдній человѣкъ, какъ судно пошло ко дну. Море бушевало, мы со слугой, сидя въ лодкѣ, крѣпко держали другъ друга въ объятіяхъ. Кругомъ все было пусто. Корабль нашъ исчезъ, но я увидалъ другой, и съ ужасомъ узналъ въ немъ встрѣтившійся наканунѣ съ нашимъ злополучнымъ судномъ. Мертвая тишина царствовала на немъ.

Съ носа корабля спускался канатъ; подплывъ вплоть, мы ухватились за него и стали кричать, но напрасно: отвѣта не было; тогда мы рѣшили подняться на судно. Я полѣзъ впередъ и ужаснулся. Палуба была залита кровью, команда лежала перерѣзанная; капитанъ стоялъ, пригвожденный къ мачтѣ. Мы рѣшились спуститься въ каюту и осмотрѣть все судно, не найдется ли живой души. Мы прислушались у дверей каюты,—все тихо, ничего не слыхать. Я отворилъ дверь. Въ каютѣ валялись разбросанныя платья, оружіе и прочія принадлежности; повидимому, еще недавно тутъ были люди. Мы переходили изъ каюты въ каюту и всюду встрѣчали съѣстные припасы, одежду и даже цѣнную утварь.

Грустно провели мы день; къ ночи Ибрагимъ пошелъ спать, а я остался на палубѣ караулить; но около одиннадцати часовъ у меня стали слипаться глаза, я не могъ удержаться отъ сна и, свалившись за бочку, задремалъ. Сначала я спалъ довольно чутко. Мнѣ казалось, будто судно ожило; народъ зашевелился, раздавалась команда, поднялась суетня. Я хотѣлъ встать, но не могъ: странная тяжесть во всемъ тѣлѣ мнѣ не давала шевельнуться. Когда же я проснулся, то солнце было высоко, а на суднѣ все было такъ же тихо и мертво, какъ и наканунѣ.


Д. МИТРОХИНЪ. 19



Мы рѣшили съ Ибрагимомъ не спать слѣдующую ночь и, чтобы освободиться отъ чаръ, читать молитвы. Провертѣвъ дырочки въ двери каюты, гдѣ ужиналъ капитанъ, мы сѣли наблюдать. Ибрагимъ написалъ имя пророка на всѣхъ четырехъ стѣнахъ. Часовъ въ одиннадцать меня снова стало клонить ко сну; мы принялись читать молитвы. Вдругъ наверху оживилось, раздались шаги, послышались голоса, загремѣлъ канатъ. Стукъ, шумъ, крикъ и стонъ оглушали насъ. Затѣмъ все вдругъ снова затихло, и къ утру всѣ покойники лежали по своимъ мѣстамъ.

Днемъ мы подвигались къ востоку, то есть къ берегамъ, ночью же мы, вѣроятно, шли назадъ, потому что утромъ мы стояли на томъ же мѣстѣ, гдѣ были наканунѣ. Потому мы съ Ибрагимомъ придумали сдѣлать слѣдующее: отдать паруса, замотавъ ихъ пергаментными ремнями, надписавъ на нихъ имя пророка. Средство это помогло.

Такимъ образомъ мы стали подвигаться впередъ и на седьмой день увидѣли землю. Мы благодарили Аллаха и великаго пророка за наше чудесное спасеніе. Вскорѣ мы вошли въ устье рѣки, на которой стоялъ городъ, а черезъ нѣсколько времени, приставъ, съ радостью вступили на твердую землю. Мнѣ хотѣлось съ кѣмъ-либо подѣлиться разсказомъ о нашихъ приключеніяхъ въ надеждѣ услышать объясненіе, а потому я спросилъ — нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь толкователя сновъ и разныхъ чудесъ. Мнѣ указали на такого, назвали улицу и домъ, гдѣ онъ живетъ, и велѣли спросить *Мулея*.

Тамъ меня встрѣтилъ маленькій сѣденькій человѣкъ съ длиннымъ-предлиннымъ носомъ. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ и есть Мулей. Тутъ я ему разсказалъ наше приключеніе. «Вѣроятно, люди эти за какое-либо злодѣяніе свое, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — приговорены скитаться въ морѣ. На землѣ чары исчезнутъ, а потому нужно вырубить доски и перевезти покойниковъ на берегъ. По праву, судно это со всѣмъ добромъ — ваше, потому что вы его нашли, и оно безъ хозяина. Я васъ научу, что и какъ сдѣлать.

Мы отправились на корабль съ пятью невольниками, взявшими съ собою пилы и топоры. Дорогой Мулей похвалилъ нашу выдумку замотать паруса изреченіями корана и именемъ пророка. Это было единственное средство спасенія.

Капитанъ судна былъ приколоченъ гвоздемъ къ мачтѣ, и вырвать этотъ гвоздь не было никакой возможности: не рубить же было изъ-за этого всей мачты! Мулей послалъ одного изъ невольниковъ на берегъ за горшкомъ земли. Когда землю привезли, онъ взялъ ее и, пошептавъ, высыпалъ на голову капитана; въ ту же минуту капитанъ открылъ глаза, вздохнулъ, и гвоздь легко выдернулся.

Д.М. 1912.

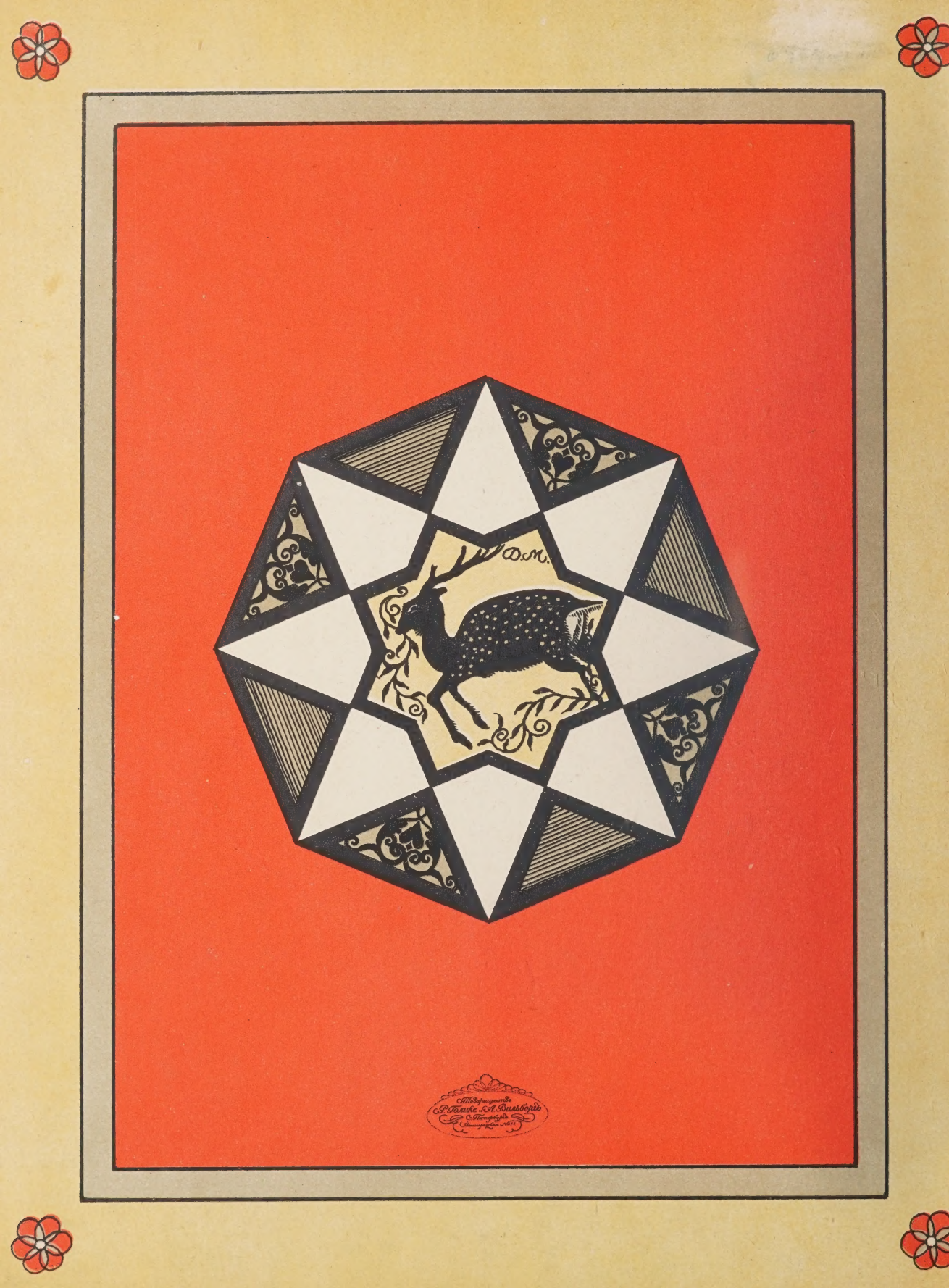
— Кто привелъ меня сюда? — спросилъ капитанъ, какъ бы очнувшись. Мулей указалъ на меня.

— Благодарю тебя, незнакомецъ, — сказалъ онъ, — ты избавилъ меня отъ мученій. Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ плаваетъ мой корабль, и я былъ осужденъ каждую ночь пробуждаться и снова приводить корабль на старое мѣсто. Но теперь голова моя коснулась земли, и я могу съ миромъ итти къ праотцамъ моимъ. — На мой вопросъ, какъ и за что онъ былъ въ такомъ ужасномъ состояніи, онъ отвѣчалъ: «Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ я былъ сильнымъ и знатнымъ лицомъ въ Алжирѣ; жадность къ деньгамъ довела меня до того, что я сталъ разбойничать въ морѣ. Однажды я принялъ на судно дервиша.

Мы съ товарищами были народъ грубый, необузданный: мы не понимали всей святости его званія, и стали надъ нимъ издѣваться. Онъ началъ упрекать меня за дурную жизнь, это оскорбило мое самолюбіе; въ ту ночь я кутилъ и пилъ и, наконецъ, до того разгорячился, что бросился съ кинжаломъ на бѣднаго дервиша и зарѣзалъ его. Умирая, онъ проклялъ меня и всю команду, сказавъ, что мы не будемъ жить, но и не умремъ, пока не коснемся лицомъ земли. Въ ту же ночь сбылись слова его. Часть моей команды взбунтовалась. Бунтовщики перерѣзали моихъ товарищей, меня пригвоздили къ мачтѣ, но и сами не встали отъ ранъ своихъ и также погибли. На другую ночь, въ тотъ самый часъ, какъ мы наканунѣ сбросили дервиша, всѣ мы очнулись, но не могли ни дѣйствовать, ни говорить по своей волѣ; каждую ночь повторялось одно и то же. Теперь же ты избавилъ насъ, благодарю тебя еще разъ. Если сокровища могутъ наградить тебя за доброе дѣло, то возьми себѣ все, что найдешь послѣ насъ на кораблѣ, возьми также и самый корабль.

Сказавъ это, онъ опустилъ голову и мгновенно разсыпался въ прахъ, который мы бережно собрали и схоронили на берегу. Изъ города я взялъ работниковъ, которые вычинили и исправили мнѣ судно; бывшіе на немъ товары я выгодно обмѣнялъ на другіе и, одаривъ Мулея, отправился къ себѣ на родину. Но я ѣхалъ не прямо, а заѣзжалъ на острова, гдѣ торговалъ съ барышемъ. Пророкъ благословилъ мое предпріятіе, и я вернулся домой, удвоивъ наслѣдство, полученное отъ капитана.

Я живу спокойно и счастливо, но каждые пять лѣтъ хожу въ Мекку благодарить Аллаха за его милости и просить, чтобы капитана съ его командою онъ принялъ въ рай.


Д.М.
Товарищество
Р. Голике и А. Вильборгъ
С. Петербургъ
Экспедиція № 11